

На столе лежала раскрытая на середине книга с описанием приемов фехтования. Чжэ Лань взяла ее в руки, пролиستала несколько страниц и поморщилась: техника была донельзя заурядной. Малоэффективная, но перегруженная лишними движениями — по сути, просто набор красивых, но пустых жестов.

Она вспомнила, как несколько дней назад Лоу Тинсуй сражалась с кланом Линь. Ее движения были такими же вялыми: сила вроде бы чувствовалась, но свою духовную мощь она не раскрывала и наполовину. Для мечника самое важное — это техника владения клинком, и если за изящными стойками ничего не стоит, это становится его главной уязвимостью.

Чжэ Лань сосредоточилась и принялась искать в своем пространстве записи, оставленные когда-то Шу Чжо. Тот был одержим искусством меча и в свое время подарил ей немало свитков, настаивая, чтобы она практиковалась с ними. Он упрямо твердил, что Жезл Морского Божества ничем не отличается от меча, а значит, тренировки с клинком пойдут ей на пользу.

Перебрав множество свитков, она остановилась на Песни ласкаемого меча — это был лучший вариант. Чжэ Лань просмотрела его еще раз и осталась довольна. Она уже видела, как дерется Лоу Тинсуй: фундамент у той был крепкий, а Песнь ласкаемого меча как раз требовала безупречной базовой подготовки. Приемы в ней были настолько изощренными и причудливыми, что повторить их без твердой руки было невозможно.

Она открыла глаза, сжимая в руке свиток, окутанный белым сиянием, и вышла наружу. Лоу Тинсуй оказалась расторопной: пообещав отремонтировать дом, она взялась за дело сама, и к этому моменту большая часть работы была уже завершена. Было видно, что девушка она старательная и неглупая. Чжэ Лань прислонилась к дверному косяку, наблюдая, как Лоу Тинсуй трудится с утра до самого заката, и лишь когда зажглись свечи, та, вытирая пот со лба, закончила уборку.

— Старшая, эти несколько дней придется пожить в таких условиях, — произнесла она.

Чжэ Лань бегло осмотрела помещение и осталась довольна.

— А что ты сама думаешь о силе своей техники? — спросила она.

Лоу Тинсуй на мгновение замерла. Она не понимала, к чему этот внезапный вопрос, но ответила честно:

— Слабо и безжизненно. Кроме Юэ Чжоу, в моих приемах почти нет атакующей мощи. Если бы противник обладал такой же духовной силой, я бы проиграла в один миг, опираясь лишь на технику меча.

Чжэ Лань оценила ее проницательность:

— В бою поражение почти всегда означает смерть. Для мечника главное — это приемы. Раз ты осознаешь, что твоя техника никуда не годится, я подарю тебе одну книгу. Хочешь научиться?

Лоу Тинсуй была ошеломлена. Она не знала, кто эта женщина, друг она или враг, поэтому невольно насторожилась:

— Старшая уже спасла мне жизнь, я глубоко признательна! Но принять еще и технику обучения... я не могу!

Она говорила искренне, но Чжэ Лань не любила лишних церемоний и просто бросила свиток ей в руки:

— Я сказала, что дарю, значит, дарю. Упражняться или нет — твое дело.

Сказав это, она ушла в свой новый дом. Лоу Тинсуй застыла, глядя на нефритовый свиток. На нем были выгравированы три острых, как лезвие, иероглифа: Песнь ласкаемого меча. Нефрит был теплым на ощупь — сразу чувствовалась ценная вещь.

Когда Чжэ Лань вошла в дом, внутри стало темно. Лоу Тинсуй подняла глаза, глядя на небольшое строение. На душе было беспокойно, мысли путались. Эта женщина появилась из ниоткуда, с легкостью прошла сквозь защитный барьер секты, спасла ее и теперь дарит редкую технику. Судя по обрывкам фраз, она не человек. Может, из Расы демонов? Говорят, среди них встречаются существа невероятной красоты, с обликом небожителей. И эта женщина вполне подходила под такое описание.

Неужели она высокопоставленный старейшина демонов? Впрочем, это было не так важно. Единственное, во что хотелось верить — в слова Чжэ Лань о том, что, достигнув высокого уровня мастерства, можно увидеть колесо перерождений и найти реинкарнацию матери. При мысли о том, что шанс на встречу есть, Лоу Тинсуй сжала кулаки и вернулась в свою комнату. Будь это правдой или ложью, она ухватится даже за крошечную возможность снова увидеть мать!

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, Чжэ Лань услышала свист рассекаемого воздуха. Она вышла наружу и направилась к водопаду. Там, как она и ожидала, Лоу Тинсуй с мечом в руках выписывала сложные фигуры. Движения были четкими, плавными и мощными — она практиковала Песнь ласкаемого меча.

Вот теперь это было похоже на настоящую, живую технику. Чжэ Лань осталась довольна: выбор свичка оказался верным. Только когда солнце поднялось над горизонтом, Лоу Тинсуй остановилась. Огромный валун перед ней за десятилетия тренировок покрылся бесчисленными следами от ударов, но только сегодня она впервые почувствовала, что клинок стал продолжением ее души. Эта техника была поистине бесценной.

Чжэ Лань наблюдала, как девушка стоит у каменной стены, переосмысливая изученное. Спустя долгое время губы Лоу Тинсуй едва заметно дрогнули в улыбке. Чжэ Лань удивилась: совсем еще юная, а держится так серьезно, неужели она умеет улыбаться?

Заметив Чжэ Лань, Лоу Тинсуй поспешно спрятала меч и поклонилась:

— Старшая, благодарю за технику...

Чжэ Лань тут же перебила ее:

— Не используй эти ваши человеческие обращения. Старшая, старшая... звучит так по-стариковски. Разве я выгляжу старой?

Лоу Тинсуй замерла. Она взглянула на женщину и, встретившись с ее глубокими, словно озерная гладь, глазами, тут же отвела взгляд, боясь утонуть в них.

— Нет, не выглядите.

Чжэ Лань, чья уверенность в собственной внешности превосходила даже веру в собственную силу, довольно кивнула.

— И не нужно постоянно благодарить. Твоя благодарность мне ни к чему.

Слова были справедливыми: Лоу Тинсуй понимала, что не сможет отплатить за такой дар — свиток стоил дороже, чем все ее духовные камни вместе взятые. Чжэ Лань, заметив ее растерянность, мягко добавила:

— Я здесь гошу, так что это плата за кров. Считаю, что возможность пожить здесь подольше — это и есть твой ответный дар.

Лоу Тинсуй про себя поклялась: как только Сян Цан вернется, она обязательно добьется разрешения оставить Чжэ Лань здесь на столько, сколько та пожелает.

Чжэ Лань приняла еще один поклон, решив уже не спорить об этом, и перевела взгляд на меч Лоу Тинсуй. Обычное, ничем не примечательное оружие. Ей стало любопытно, чему же ее вообще учил наставник. Неужели она не была ученицей, которую обучают лично? Вроде бы отношения такие же, как у нее с Сян Цаном, так почему же все выглядит так убого?

Лоу Тинсуй, не зная привычек гостыи, вежливо спросила:

— Если вам нужно подкрепиться, просто скажите мне.

Чжэ Лань нахмурилась: она просила не называть ее старшей, а та опять за свое. Она не любила, когда ей перечат.

— Меня зовут Чжэ Лань. Не называй меня старшей. И да, я не прочь попробовать вашу человеческую еду. Если найдется что-то вкусное, принеси мне.

Она вспомнила вчерашние семечки — они были неплохи. Надо будет узнать, как они называются, и раздобыть еще. Лоу Тинсуй несколько раз про себя повторила имя гостыи,

чтобы не забыть, и представилась в ответ:

— Я... меня зовут Лоу Тинсуй.

— У меня есть только простая еда, если вам по вкусу, я приготовлю, — добавила она, и Чжэ Лань довольно кивнула.

Чжэ Лань не ответила, лишь махнула рукой, позволяя ей уйти, а сама улеглась греться на солнце. Когда Лоу Тинсуй вернулась с едой, она увидела, что гостья лежит на созданном из воды шезлонге, покачиваясь и дремля. Очень безмятежно. Лоу Тинсуй снова восхитилась ее контролем над духовной энергией. Она долго стояла у порога, не решаясь потревожить покой, пока Чжэ Лань не открыла глаза.

Чжэ Лань подошла к столу. Блюда были разложены по маленьким тарелочкам и выглядели весьма изящно. Она никогда не пробовала земной пищи, ведь с рождения была божеством. Ее пищей были чистые облака и небесная роса, даже небожители не вкушали земного, что уж говорить о ней. Поэтому возможность попробовать людскую еду была самым интересным событием этого визита.

Лоу Тинсуй с волнением наблюдала, как женщина с аристократической грацией берет кусочек лепешки. Она заранее позаботилась о том, чтобы нарезать ее на удобные части, и теперь видела, что поступила правильно. Чжэ Лань взяла палочки, с которыми, к удивлению Лоу Тинсуй, справилась без труда, и попробовала кусочек. Тщательно прожевав, она осталась довольна — это было вкуснее вчерашних семечек.

Лоу Тинсуй, видя, как она пробует блюда, не могла скрыть своего нетерпения, ожидая оценки.

— Что это? — спросила Чжэ Лань, попробовав лепешку.

— Лепешка, — ответила Лоу Тинсуй и, чтобы было понятнее, написала иероглиф на столе духовной энергией.

Чжэ Лань кивнула и потянулась к другому блюду.

— Это грибы с заднего склона горы, — пояснила Лоу Тинсуй.

Чжэ Лань проглотила кусочек и, глядя на невзрачные на вид грибы, слегка кивнула:

— Сян Цан не обманул меня. Все в этом мире имеет свою тайну. На вид — сушая безделица, а вкус отменный.

Лоу Тинсуй удивилась, что грибы удостоились такой похвалы, но, услышав имя Сян Цана, промолчала — чужие дела ее не интересовали.

Поев, Чжэ Лань не могла просто уйти. Она взмахнула рукой, и на полу перед Лоу Тинсуй появилась целая гора флаконов с пилюлями, которые она захватила в Циншане. Их было не

меньше тридцати-сорока.

— Твой фундамент крепок, но прогрессируешь ты слишком медленно. Я уже очистила твои меридианы, а эти пилюли помогут. Забирай, ешь.

Лоу Тинсуй посмотрела на лекарства, потом на Чжэ Лань: та походила на раздатчицу даров.

— ...Мне не все из них нужны, а вы ведь тоже отравлены, вам стоит оставить часть себе.

Чжэ Лань даже глазом не моргнула, просто проигнорировав вопрос.

— Сказала забрать — забирай. Не люблю повторять дважды.

Несмотря на красоту, в ее голосе чувствовалось такое давление, что Лоу Тинсуй не посмела спорить. Она присела, отобрала то, что ей действительно было нужно, а остальное сдвинула в сторону. Чжэ Лань нахмурилась:

— Неужели из-за такой мелочи нужно столько препираться? Если не нужно — выброси, я дала — значит, мое дело сделано.

С выражением лица, говорящим «неблагодарная», она гордо развернулась и ушла к вершине горы, где натянула себе водные качели. Очевидно, она не желала больше находиться в одном пространстве с Лоу Тинсуй и не хотела, чтобы ее беспокоили.

<http://bllate.org/book/19690/1936755>